

Хуже всего было то, что Цзи Сюнь продолжал посмеиваться.

Чу Чжаохуай, не смея перечить, лишь обиженно сопел, из последних сил толкая инвалидное кресло. В конце концов ему удалось доставить «Цзи-Мастера-Сарказма» обратно в спальню.

Вернувшись в усадьбу, юноша велел дворецкому не ставить в комнате жаровни, и теперь, в разгар зимней стужи, покои превратились в настоящий ледяной склеп. Окна были распахнуты настежь, и ворвавшийся морозный ветер заставил лекаря невольно вздрогнуть.

«Если я проведу здесь всю ночь, — подумал он, — к утру точно окоченею»

Сам же Цзи Сюнь даже в холода разгуливал в легких одеждах — судя по всему, жару он переносил куда хуже, чем мороз.

Чу Чжаохуай давно привык к доле приживала, а потому, немного погоревав в тишине, не стал жаловаться. Кое-как умывшись, он с нескрываемым смущением забрался на постель.

«Сейчас лучше подумать о том, как вести себя, если Ванье вдруг решит проявить звериную натуру и возьмет меня силой»

Цзи Сюнь, приняв ледяную ванну, вернулся в спальню — инвалидное кресло толкал Инь Чжуншань. Князь даже не удосужился вытереть волосы: влажные черные пряди рассыпались по спине. Опустив взгляд, он лениво перечитывал какое-то письмо.

Лекарь в это время сидел на кровати, с сомнением разглядывая шелковое одеяло, которое по толщине едва ли превосходило его дорожный плащ. Услышав шум, юноша едва не подпрыгнул от испуга и, словно перепуганный перепел, нырнул под одеяло с головой.

До него донесся голос Цзи Сюня — тот обращался к Инь Чжуншаню:

— И это всё?

— От Цзяннани и обратно путь неблизкий, — ответил Инь Чжуншань. — Посланнику пришлось скакать во весь опор, загоня лошадей, но пока это всё, что удалось выяснить. Более подробные сведения придут через пару дней.

Чу Чжаохуай затаил дыхание, вслушиваясь.

Слова о «срочном донесении за шестьсот ли» заставили его сердце забиться чаще.

«Неужели они обсуждают важные государственные дела?»

Цзи Сюнь снова спросил:

— А что насчет Шэньи?

— Следы Шэньи отыскать непросто. Он годами странствует по горным селениям, к тому же никто не знает его истинного облика, так как он всегда носит маску. Только что пришла весточка от Чжоу Хуаня: кажется, он нашел человека, называющего себя Шэньи. Послезавтра тот должен тайно прибыть в столицу.

Цзи Сюнь небрежно хмыкнул.

Юноша только собрался вслушаться внимательнее, как скрип колес инвалидного кресла приблизился к самой кровати. Он замер, словно кролик в норе, едва ли не наострив уши от напряжения.

Вскоре кровать под чьим-то весом едва слышно скрипнула — кто-то присел на край.

Сердце Чу Чжаохуа едва не выскочило из груди. Он мертвой хваткой вцепился в расшитую парчу одеяла, не в силах сдержать легкую дрожь — он ждал, что вот-вот грянет неминуемая беда.

Прошло несколько мучительных минут, но Цзи Сюнь не двигался и не произносил ни слова.

Набравшись смелости, Чу Чжаохуа осторожно высунул из-под одеяла лохматую макушку и боязливо огляделся.

Князь в тонком домашнем халате сидел в свете свечи и неторопливо изучал несколько исписанных листков, не обращая на своего Ванфэй никакого внимания.

Лекарь с трудом сглотнул. Он больше не мог выносить это тягостное ожидание неизвестности, а потому решил пойти напролом. Кончиками пальцев он робко потянул Цзи Сюня за широкий рукав.

— Ванье? Что... что Вы там читаете?

Цзи Сюнь опустил взгляд и протянул ему бумагу:

— Ванфэй не желает ознакомиться?

Чу Чжаохуай испуганно замотал головой.

«Донесения за шестьсот ли — это наверняка военная тайна или государственное дело. Куда мне соваться в такое?»

Цзи Сюнь не стал настаивать:

— Если устал — спи.

Юноша опешил и во все глаза уставился на него.

Князь слегка повернул голову:

— Или Ванфэй так горит желанием поскорее совершить...

Не дав ему договорить слово «брак», Чу Чжаохуай мгновенно нырнул обратно под одеяло и затих, притворяясь спящим.

Цзи Сюнь: «...»

Князь, кажется, издал короткий смешок и снова вернулся к чтению.

В донесении, доставленном из Линьяня, на первой же строке значилось:

«Чу Чжаохуай из семьи Бай в Линьяне».

Разузнать о жизни юноши в столице было проще простого, всё укладывалось в пару фраз: в пять лет потерял мать, терпел вечные обиды, а в семь, после недоброго предсказания Государственного наставника, был отослан в Цзяннань — якобы на лечение.

О его последующих одиннадцати годах жизни в Линьяне удалось собрать лишь два с половиной листка тонкой бумаги.

Всё как и в жизни самого Чу Чжаохуая — мало кто обращал на него внимание.

Дед по материнской линии, кажется, и впрямь заботился о нем, но в огромной и богатой семье Бай такая привязанность была сродни смертному приговору. Родственники опасались, что чужак приберет к рукам их имущество.

Брошенный всеми, Чу Чжаохуай в конце концов привык жить осторожно, словно мышь,

забившаяся в самый темный угол.

Цзи Сюнь пробежал текст глазами и небрежно отложил письмо на прикроватный столик — интерес к нему мгновенно угас.

«Я-то думал, Восточный дворец и усадьба маркиза Чжэньюань затеяли какую-то хитрую игру с этой подменой, а на деле всё оказалось верхом глупости. Скука»

Он перевел взгляд на постель.

Чу Чжаохуай, который еще недавно дрожал от страха, видимо, совсем выбился из сил. Он уснул так быстро, что даже не успел толком укрыться — из-под одеяла торчала часть головы, а повязка съехала набок, приоткрывая веко плотно закрытого глаза.

«Ненужная пешка маркиза Чжэньюань. Толку от него нет»

Цзи Сюнь медленно протянул руку к тонкой шее юноши.

Длинные пальцы Бога Несчастий, лишившие жизни бесчисленное множество людей, в свете свечи казались мертвенно-бледными. На фоне черной повязки князя они выглядели как руки демона, пришедшего за душой.

Чу Чжаохуай, ничего не подозревая, свернулся калачиком и крепко спал.

Ледяная ладонь Цзи Сюня коснулась его шеи. Пальцы сомкнулись на белой, пугающе нежной коже.

Стоило лишь слегка сжать кулак, и эта хрупкая шея переломилась бы так же легко, как стебель молодого лотоса.

От Чу Чжаохуая едва уловимо пахло целебными травами. Словно почувствовав угрозу, он слегка нахмурился во сне и вдруг поймал Цзи Сюня за запястье.

Взгляд князя оставался холодным. Он ждал, когда юноша очнется и увидит свою смерть.

Но лекарь лишь сонно пробормотал:

— Мама...

Рука Цзи Сюня замерла.

Чу Чжаохуай прижал к себе его запястье и неосознанно потерся лицом о ладонь. Он так сильно хотел спать, что, даже вздрогнув от нестерпимого холода чужой руки, не отпустил ее.

— Мама, — прошептал он, — Сяо Шуй холодно...

Цзи Сюнь смотрел на него бесстрастным взглядом.

«Просит тепла у того, кто несет холод. Слишком глупые люди долго не живут»

Князь уже хотел завершить начатое, но Чу Чжаохуай, видимо, почуяв источник жизни рядом с собой, слегка повернулся и придвинулся ближе.

Даже дрожа от мороза и отчаянно ища тепла, он не смел придвинуться вплотную — лишь робко, по-детски цеплялся за рукав Цзи Сюня.

Жалкий и покорный.

Словно птенец, бьющийся на ветру и способный выжить лишь под чьей-то защитой.

Цзи Сюнь долго смотрел на этот съежившийся комок, а затем вдруг улыбнулся.

Глубокая ночь, тусклое пламя свечи... В этот миг его лицо преобразилось, и во взгляде проступила пугающая нежность.

Князь коснулся щеки юноши, словно сжимая в руке намокшие крылья брошенной птицы.

Его глаза оставались ледяными, но в чертах лица читалось мрачное удовлетворение. Извращенное чувство власти наполнило его душу.

— Спи, — негромко произнес он.

Чу Чжаохуай так и не проснулся — этот вкрадчивый, бесконечно ласковый голос окончательно убаюкал его, унося в глубины сна.

Ему привиделось, будто госпожа Бай сидит у свечи и привычным жестом похлопывает его по груди, баюкая, как в далеком детстве.

В полусне ему показалось, что чьи-то руки подняли его и несли какое-то время, а затем пронизывающий холод отступил, сменившись обволакивающим, уютным теплом.

И юноша окончательно погрузился в ласковую тьму.

***

Когда Чу Чжаохуай пришел в себя, уже рассвело.

Он открыл глаза, но всё вокруг тонуло в полумраке. Юноша рывком сел и, пошарив руками, обнаружил, что повязка сползла и закрывает ему обзор.

Поправив её, Чу Чжаохуай зевнул и, оглядевшись по сторонам, замер в изумлении.

Это была вовсе не та постель, на которой он заснул вечером.

Незнакомая обстановка напоминала отдельную маленькую комнатку внутри покоев — просторную, искусно сработанную из ценного дерева. Это была роскошная кровать-алькова со своим собственным деревянным помостом у подножия.

Рядом стоял его старый, выдавший виды комодик из приданого, выглядевший совершенно нелепо рядом с изящной резной ширмой.

В комнате курилась жаровня, угли в которой уже подернулись белым пеплом, но сохранившееся тепло наполняло воздух весенним уютом.

Юноша ошарашенно хлопал глазами, а затем вдруг снова рухнул на подушки и зажмурился.

«Точно сплю. Надо проснуться еще раз»

Вскоре он пробудился после короткого сна.

Картина не изменилась.

Чу Чжаохуай долго сидел с глупым видом, прежде чем поспешно натянуть халат и выбежать наружу.

Он по-прежнему находился в спальне усадьбы Цзин-вана. Стоило ему выйти за пределы алькова, как его обдало могильным холодом — окна были распахнуты, а на кушетке, где он лежал вчера, было пусто. Князя и след простыл.

Что вообще произошло?

Чу Чжаохуай думал, что за эти восемь дней он уже узнал всё о безграничном расточительстве императорской семьи, но с каждым разом эти высокородные господа находили всё новые способы швыряться деньгами.

Всего за одну ночь в спальню умудрились притащить и установить эту баснословно дорогую кровать.

«Неужели её не нужно заказывать заранее и ждать по полгода?!»

В Линьане Чу Чжаохуаю приходилось по два часа стоять в очереди за жареными сладостями, а здесь он воочию столкнулся с истинным могуществом Цзин-вана. Юноша невольно прижал руку к сердцу.

«В следующей жизни тоже хочу родиться богачом»

Пока он в душе возмущался расточительностью Цзи Сюня, от двери донесся голос дворецкого:

— Ванфэй.

Чу Чжаохуай поспешно оправил смятые одежды и велел входить.

Старый дворецкой, выглядевший на редкость добродушно, поклонился и вошел. Следом за ним несколько охранников внесли три больших ящика.

Чу Чжаохуай растерялся:

— Что это?

Старик улыбнулся:

— Докладываю Ванфэй: это фениксовые апельсины. Ни свет ни заря Ванъе велел слугам отправиться в порт озера Мин и выбрать самые свежие.

Юноша издал удивленный звук и нерешительно переспросил:

— Всё... это мне?

— Именно так.

Никто и никогда не проявлял к нему такой заботы. Услышав слово «велел», он первым делом

подумал:

«Неужели у князя начался тот самый припадок безумия, о котором все говорят?»

Иначе с чего бы ему вдруг быть таким добрым?

Чу Чжаохуай осторожно поинтересовался:

— А где сам Ванъе?

— Вчера Шицзы избил сына герцога, и сегодня с утра пришел указ из дворца. Ванъе отправился на аудиенцию — выплачивать штраф, — пояснил дворецкий.

Чу Чжаохуай: «...»

Штраф вычетом из жалованья? Кажется, он об этом слышал.

Цзин-ван привык поступать как ему вздумается. Даже если бы он среди бела дня кого-нибудь пришиб, Император вряд ли смог бы с ним что-то поделать, кроме как лишить части жалованья в знак порицания. Поговаривали, что жалованье князя расписано штрафами на десять лет вперед.

Чу Чжаохуай нахмурился. Если он и так живет в долг, зачем Цзи Сюнь продолжает так сорить деньгами? Этих трех ящичков апельсинов ему бы хватило на целый год безбедной жизни. Какое безрассудство.

Погруженный в невеселые думы, юноша очистил один апельсин, отправил дольку в рот — и глаза его тут же засияли. Он принялся уплетать их один за другим. Трёх ящичков маловато будет... Еще бы столько же.

Пока он с упоением ел, от дверей донеслось мягкое:

— Ванфэй.

Чу Чжаохуай обернулся и увидел Лян Фана, который медленно вел под руку Цзи И.

Ноги Шицзы дрожали так, словно он просеивал муку через сито: каждый шаг сопровождался мелкой судорогой. Он морщился и шипел, как будто перенес страшные пытки.

Лекарь, внезапно почувствовавший себя богатым наследником, перестал скромничать. Он запихнул в рот целую дольку мандарина, отчего его щеки раздулись, как у хомяка, прячущего

запасы.

— Что случилось? — невнятно пробормотал он. — Твой отец тайком избил тебя ночью?

— Моему отцу не нужно делать это тайком, — огрызнулся Цзи И, закатывая глаза.

Лян Фан кротко пояснил:

— Рано утром командующий Инь велел Шицзы упражняться в стойке мабу. Он просто немного переутомился.

Чу Чжаохуай прожевал дольку:

— О-о.

«Шицзы и впрямь слабак»

Эти двое — прямо пара задохликов.

Цзи И почудилось, что в этом «о-о» скрыт какой-то издевательский подтекст. Превозмогая боль, он сделал тяжелый шаг вперед, пытаясь оправдаться:

— Этот Инь Чжуншань точно на меня зуб точит! У кого это видано — заставлять стоять в мабу целый час кряду?! То, что я вообще еще могу ходить, говорит о моем отменном здоровье... а-а!

Не успел «здоровый» наследник договорить, как колени его подогнулись. Лян Фан, будучи сам невеликой силы, не смог его удержать, и Шицзы с громким «плюх» рухнул на колени, отвесив Чу Чжаохуаю глубочайший поклон.

Чу Чжаохуай: «...»

Он даже не перестал жевать:

— Я всего лишь замолвил за тебя пару слов. Даже если хочешь отблагодарить, не стоит быть столь официальным.

Цзи И: «...»

Морщась от боли, юноша кое-как поднялся:

— Кто тебе сказал, что Шицзы пришел тебя благодарить? Я отца ищу... Слышь! Перестань ты уже жрать свои дурацкие апельсины! Если так нравятся — я тебе завтра восемь ящиков пришлю, обжирайся, пока лицо не пожелтеет!

— Ванъе в императорском дворце — разгребает твои художества, — Чу Чжаохуай наконец отложил фрукт. — У тебя какое-то дело к нему?

Цзи И наверняка знал, что отец во дворец отправился, а этот предлог использовал лишь для того, чтобы поговорить.

Наследник нахмурился. Он не из тех, кто умеет долго скрывать свои мысли — промучившись всю ночь без сна, он решил спросить в лоб:

— Ты вообще кто такой?

Чу Чжаохуай замер.

— Я хорошо знаю Чу Чжаоцзяна, — продолжал Цзи И. — В азартных играх он смыслит меньше, чем свинья в апельсинах. Каждый год, когда в столице разрешают Гуаньпу Бои в честь праздника, он проигрывается в пух и прах. Твоё же мастерство просто невероятно. Ты не можешь быть им.

Сердце Чу Чжаохуая пропустило удар, рука безвольно опустилась, и спрятанный в широком рукаве апельсин с тихим стуком выкатился на пол.

Увидев, как лекарь побледнел, Цзи И сам невольно занервничал и, смущенно отвернувшись, пробормотал:

— Да не бойся ты так... Если тебя заставили... Шицзы попросит отца за тебя...

Он не успел договорить, как Чу Чжаохуай рывком поднялся с места. В его глазах читалось неописуемое потрясение:

— В столице... в канун Нового года... разрешены азартные игры?!

Лян Фан: «...»

Цзи И: «...»

«И это всё, что тебя волнует?!»

<http://bllate.org/book/15341/1372779>